Выходитъ въ каждую пятницу.
Адресъ Редакціи и Администраціи: „ЛЕМКО“ Горлицы.

ЛЕМКО

Подписная цѣна на газету „ЛЕМКО“ на цѣлый годъ:
Въ Австр.-Венгріи 4 К.
Въ Россію 2 руб.
Въ Америку 2 дол.
Поодинокій Н-ръ 10 г.
Обявленія по договору.

НАРОДНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НА ЛЕМКОВСКОМЪ ГОВОРѢ.

Н-ръ 33. Горлицы, середа (10. вер.) 28. августа 1913 года. Годъ III.

Поглядайте въ обыстю старыхъ книжокъ и листôвъ!

Стары книжкы и листы, писаны рукомъ и друкуваны, всякого рода и содержанія, — якъ то: церковны книгы и поученія, житія святыхъ, пѣсни, исторіи повѣданкы, хоцъ бы были и цѣлкомъ подерты и побабраны, просиме барзъ гардѣ прислати намъ пôдъ адресомъ:

Редакція „Лемко“ Горлицы.

Хто намъ пришле, надрукуеме його имено, — а если буде вартала дашто його книжка, або писмо, та и того надрукуеме! Ба не лемъ же надрукуеме, — але дôстане назадъ и свою книжку — и нову книжку и гроши!

Та лемъ глядайте старыхъ книжокъ и писемъ, такыхъ съ дѣда прадѣда, бо чѣмъ старше, та лѣпше. А скорѣ, — покля слота зазрѣйте по кутахъ.

Кошта посылкы звернеме.

Редакція „Лемко“.

Бѣда намъ грозитъ.

Рôкъ планный! Погнили людямъ урожаѣ, побрала вода хлѣбусь. Але ищы не былабы така бѣда, жебы наша держава была богата, были въ банкахъ гроши, — то бы собѣ газда пожичивъ, тай при лѣпшихъ часахъ сплативъ. — Але штожъ? — Держава зруйнувана, выдала массу гроша на мобилизаціи, — поготовье военне и есть въ станѣ такôмъ, — якъ жебы вела велику вôйну и тоту вôйну съ кретесомъ програла. — Наша держава задовжена и то не заграницомъ, але въ себе дома, — значитъ брала пожичку въ своихъ банкахъ и платила тыми грôшми за границомъ, — вывозила гроши отъ себе. Въ насъ гроши мало, а всьо дорого. Банкы замкнены правѣ, бо гроши немаютъ на пожичкы, а каждый пожичити бы радъ, бо другого ратунку нема. Хотѣла бы пожичити и сама наша держава десь въ заграничпыхъ бенкерôвъ, но жаденъ Австріи пожичити не хоче, бо нашто му пожичати Австріи на непевну „гипотыку“, коли просятъ о пожичку такы богаты, певны державы, якъ Россія и молоды державы балканскы, котры показали въ собѣ тôлько способности до житя въ послѣдной вôйнѣ.

Розумѣеся, — што капиталисты волятъ пожичати тымъ, о котрыхъ сутъ певны, же имъ отдадутъ. На нашу державу они смотрятъ недовѣрчиво, якъ на кьепского газду,— котрый мае долгôвъ якъ волося на головѣ, а до того кьепско газдуе и проситъ ищы о пожичку. — Хоцъ ôнъ буде представявъ свому вѣрительови, што тота пожичка го спасе, што такъ а такъ буде господаривъ, але тотъ и такъ му не повѣритъ и волитъ, — жебы му гроши лежали даде въ банку, хотя на меншій процентъ, а не пожичитъ.

Такъ и нашой державѣ якоси жаденъ съ заграничныхъ банкôвъ не вѣритъ, не вѣритъ, же колиси Австрія пригаздуе и отдастъ. И маютъ причины не вѣрити. Ци бысте вы вѣрили и пожичили такому газдови, котрый кьепско газдуе, долгôвъ мае по уха и приде до васъ, жебы вы му пожичили на „бицикель“, або „самоходъ“!

Такъ и Австрія! — Задовжена небога, росыпана, народъ бѣдный, а ей политикы, вмѣсто, жебы старатися яко тоту бѣду полатати, — вмѣсто, — жебы старалися долгы посплачати, росыпанымъ бѣднымъ людямъ своимъ помочи, они ухваляютъ великы капиталы на збронйя, на армію, — побôльшаютъ войско и т. д. Та тоты банкеры тѣжъ смотрятъ, нашто они свôй грôшъ даютъ и ци будутъ мочи дôстати назадъ, ци нѣ. Штоси видятъ и сподѣваются, бо дати не хотятъ.

Але бо неоденъ повѣстъ: „Та най даютъ, або не даютъ, — мене ничъ не обходитъ“. Та нѣ, бо якъ не дадутъ, та держава буде старатися найти тоты гроши на насъ! — Будутъ пôдвысшати податкы, здорожѣе пиво, палюнка, дуганъ и т. д. Та южъ што ся тычитъ пива, палюнкы, дугану, та найбы тамъ пили и курили панове, якъ не будеме мати гроши, та не будеме пити, ани курити, але съ податками што буде? Бо въ тôмъ естъ мусъ! Дай и южь, ани Святый Боже не поможе! Але откаль-же мы возneме гроши на податкы, коли рôкъ кьепскій, былятка пôшли долину, вмѣсто заробку страту даютъ? Ту естъ бѣда и съ ней выйти трудно. — Бо дати бы ся дало, якъ бы было. Але при податку естъ такій „звычай“, — же якъ не дашь, та придутъ и сами возмутъ и то остатне, не пытаются, ци ты заранъ вмрешь съ голоду ци за тыжденъ.

Они знаютъ продати и корову и потраву и сѣяня и саджиня и поле, а ты хлопе запній зубы до стѣны, якъ ищы и она не продана. Нашы люде предъ бѣдомъ втѣчутъ до Америкы. — Ба, кого пустятъ, але теперь и до Америкы пущати не хтятъ.

Былъ въ насъ еденъ молодецъ, што пришовъ съ Америкы видѣти „старый край“. Походивъ кусъ по селахъ, посмотрѣвъ на бѣду, тай втѣкы въ Америку... А ту на граници: — „Вертай, бо такыхъ люди намъ треба!“ И хоцъ не взяли до войска, муситъ сидѣти на бѣдѣ, бо му пашпорту не выдадутъ, а безъ него вернутъ. Пришовъ плачучи до насъ, жебы го порадити: „Трудна рада небоже, — покоштуй въ насъ троха бѣды“.

Якъ съ той бѣды выйти, — то

Господь Святый знае! Край намъ, ани держава не поможутъ, бо они сами въ бѣдѣ, та не то же намъ помочи не можутъ, але по нашихъ каркахъ хотятъ съ бѣды выйти. — Лемъ самъ Богъ намъ помочи може!

Зъ житя бѣдного вязня ватыканского.

Христосъ Спаситель голова церкви христіянской пришелъ на свѣтъ, яко человѣкъ въ стайни вефлеемской на сѣнѣ, въ яслахъ, въ жолобѣ повила Боже Дитятко Пречиста Дѣва Марія. Житье его было якъ бѣдного заробника, тесельствомъ заробялъ до 30 року житя свого. Апостолôвъ своихъ выбралъ съ межи найбѣднѣйшихъ людей, рыбаковъ. — Былъ утѣшителемъ пригнобленныхъ, кормителемъ голодныхъ, — опѣкуномъ вдовъ и сиротъ, потѣхомъ плачущихъ и такъ само Его святи Апостолы шли въ слѣды свого Божественного учителя и голосили его святу науку „Что царство Божіе нѣть отъ міра сего“. А якже жіютъ нынѣшны отцы церкви, якъ жіютъ тіи, котры уважаютъ ся пастушками Спасителя и Его святыхъ Апостоловъ? — Пригляньме ся ближе а пôзнаме.

Ажъ до 1870 року рымскій папа — былъ не тôвко духовнымъ пастыремъ, але и свѣтскымъ папомъ такъ званого паньства церковного. — Паньство тото складало ся съ мѣста Рыму и кôвкамильового краю докола. — Въ року 1870, одняте было свѣтске панованье папѣ и признане разомъ съ иншыми краями на пôвъостровѣ апенинскомъ, — нинѣшной пануючой дынастіи италійской.

Тодышній папа Пій IX., (не зважаючи на то, же Христосъ сказалъ: „Царство мое нѣть отъ міра сего) дуже ся на то погнѣвалъ, и оголосилъ свѣту, — же до тои хвилѣ не выйде ногомъ съ Ватыкану (т. е. зо свого замку) и уважати ся буде вязнемъ, невôльникомъ ватыканскимъ, — доки му панованье свѣтске въ такъ званомъ церковномъ паньствѣ, — не буде звернене. Гадалъ си святый папа, же по такомъ оголошеню, прибѣгнутъ зо шиткихъ странъ свѣта тисячи народа и высвободятъ его съ тои вязницѣ, до котрои самъ ся посадилъ и въ котрой никто го не трыматъ. Помылилъ ся неомыльный. Розумны люде лемъ ся сміяли съ того оголошеня а и съ неба не линувъ огенъ сѣрчаный на тыхъ „безбожниковъ“, — котры папѣ (цѣлкомъ правно) одобрали свѣтске пановалье.

Але папа не естъ лемъ такъ што будъ. Якъ рюкъ разъ, же зъ Ватыкану не пôйде, такъ не пôшовъ, абы свому гонорови не шкодити. Понеже Пій IX. мусѣлъ тѣжъ сидѣти и не выѣждати съ Ватыкану, его наступникъ Левъ XIII а и нинѣшный Пій X. сидитъ и не рушатъ ся съ Ватыкану, хоцъ му ужъ cприкрило ся тото безполезне сидженье и мыслитъ выѣжджати хоцбы бальономъ.

Съ того дитинного постановленя папы, наробили Езуиты межи темнымъ народомъ такого крику, — якъ бы папа направду былъ правдивымъ вязнемъ, а за то, же утратилъ доходы съ панованя свѣтского, зберають по цѣломъ свѣтѣ католицкомъ складку на папу, — такъ званый „петровый грошъ“.

Рôчно милiоны бѣдныхъ людый, — однимать си отъ устъ тяжко заробленый крайцаръ а дае го на жертву на вязня ватыканского — и мыслятъ сой легковѣрны, же тому вязневи направду такъ зле якъ крычатъ Езуѣты, же вôнъ направду невôльникомъ мученикомъ, — но послухайте дальше любы читателѣ.

Якъ мешкатъ папа.

Ватыканъ, въ котромъ папа добровôльно оголосивъ ся вязнемъ — то естъ цѣле мѣсто съ разными оздобленными будовлями, съ великими винницями, съ кôвкамильовымъ паркомъ, то естъ дуже краснымъ садомъ. Не естъ, видите такъ зле быти вязнемъ въ такомъ раю на земли. — Въ парку тôмъ сутъ розмаиты оздобы — водотриски (таки студнѣ съ котрыхъ вода трѣскатъ на кôвка метровъ въ гору) альтаны, алеѣ, звѣрынцѣ и всякы инши дива, котрыхъ звычайный чловекъ ани въ снѣ не увидитъ. — При папѣ естъ 2030 осôбъ самыхъ духовныхъ, бискуповъ, кардыналôвъ, канониковъ и иншихъ езуѣтовъ дармоѣдôвъ. Вязенъ тотъ ватыканскій матъ свое войско, такъ звану gardu папеску, матъ самыхъ кухарôвъ и льокаѣвъ 1160 осôбъ а разомъ съ gardom 3455 людей, матъ тотъ вязень невôльникъ на свою услугу.

Видишь ужъ любый читателю, яке то житье того бѣдного вязня, якій его гарештъ а можешъ ужъ пôзнати на што идутъ миліоны, котры складаютъ темны бѣдаки съ цѣлого свѣта.

Якъ ся папа убератъ.

Бѣдный вязень ватыканскій матъ бôльше швачокъ и моднярокъ, якъ яка найбогатша дама миліонерка въ Парыжу,

СВЯТАЯ РУСЬ.

(ДАЛЬШЕ).

Когда Феодоръ прибылъ съ дарами къ Батыю, Батый изъявилъ желаніе видѣть его жену. — Князь отвѣчалъ, что христіяне не показываютъ женъ нечестивымъ язычникамъ. Батый велѣлъ умертвить его. — Княгиня Евпраксія, супруга его, получивъ извѣстіе о гибели любимаго мужа, въ безпамятствѣ ринулась съ высоты терема на землю съ младенцемъ на рукахъ, и оба забились до смерти, почему это мѣсто и названо Заразомъ, или убоемъ. — На трехъ могилахъ были поставлены каменные кресты.

Отецъ Феодора, князь Юрій съ малочисленнымъ войскомъ отважился на битву въ полѣ, и здѣсь легли всѣ витязи рязанскіе и князья. Только одного князя Олега Ингваревича Краснаго привезли Батыю. Пораженный мужествомъ и красотой его, Батый предлагалъ ему дружбу свою, если онъ перемѣнитъ вѣру. Олегъ съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе, — и Батый приказалъ разнять его по частямъ.

Затѣмъ Батый двинулся на Рязань, обложилъ ее и оградилъ тыномъ. Кровь лилась пять дней; воины Батыя перемѣнялись, а граждане стояли все тѣ же, не выпуская оружія изъ рукъ.

Наконецъ, зажгли городъ, — татары ворвались, неся съ собою смерть. Варвары распинали плѣнниковъ или, связавъ ихъ, стриляли въ нихъ, какъ въ цѣль. Оскорбляли женщинъ и дѣвицъ на глазахъ умирающихъ мужей и отцовъ, жгли священниковъ или закалывали ихъ у алтарей. Весь городъ обратился въ пепелъ. Послѣ нѣсколькихъ дней убійства все стихло: некому было стенать и плакать.

Вскорѣ возвратился въ Рязань изъ Чернигова князь Ингварь. Вмѣсто Рязанской области предъ нимъ было неизмѣримое кладбище. Гдѣ цвѣли города и селенія, тамъ остались кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Занесенные снѣгомъ, на мерзломъ ковылѣ убитые князья и воеводы. — Изрѣдка изъ лѣсовъ прокрадывались рѣдкіе люди, съ ужасомъ глядя на страшную пустыню.

Въ древнихъ рукописныхъ святцахъ помѣщены въ числѣ святыхъ князья рязанскіе: Романъ Олеговичъ, Олегъ Красный и Феодоръ Юрьевичъ съ супругой Евпраксіей и младенцемъ Іоанномъ.

Изъ Рязани Батый пошелъ дальше, разгромилъ Коломну, сжегъ Москву, гдѣ взятъ въ плѣнъ сына великаго князя, — Владиміра. Георгій содрогнулся, — видя великую опасность Руси, — и, поручивъ Владиміръ двумъ сыновьямъ съ племянниками, дѣтьми великаго князя Константина, пошелъ въ область Ярославскую, — сталъ тамъ на берегахъ рѣки Сити, впадающей въ Мологу, и началъ собирать войско.

Второго февраля татары подступили къ Владиміру. Народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ неисчислимую силу. Татары, подъѣхавъ къ воротамъ, спрашивали, гдѣ великій князь. Въ отвѣтъ имъ пустили стрѣли.

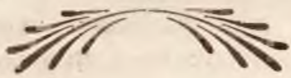
— Не стрѣляйте, — кричали они, и русскіе увидѣли предъ собой неузнанна́го ими отъ происшедшаго въ немъ страшнаго измѣненія князя Владиміра.

Отправивъ отрядъ на Суздаль, гдѣ были истреблены всѣ жители, 6 февраля Батый открылъ приступъ на городъ. — Хотя можно было еще спасти жизнь цѣной рабство, князья и бояре предпочли смерть.

Настали торжественные часы. Князья, супруга Георгія и вся семья его, бояре, высшія лица собрались въ храмъ Богоматери, гдѣ епископъ облачилъ ихъ въ схиму. Въ великой тишинѣ совершался священный обрядъ. — Прощаясь между собой, съ надеждой скораго соединенія въ спокойной вѣчности, разставаясь съ жизнью и родиной, одною ногой въ гробу, эти люди молились о томъ, чтобы Господь воздвигъ когда-нибудь погибавшую русскую землю, чтобы не сгинули навѣкъ ея имя и ея слава. — То было зрѣлище

въ Лондинѣ, або где въ Америцѣ. — Швачки тамъ лемъ сами таки, што по найбôвшихъ мѣстахъ ся вчили и найбôвше практики и вправы набыли: — Убраня его золотомъ гканы, дорогими каменями, дияментами оздоблени.

На дворѣ папежа есть 200 швачокъ и моднярокъ, — котры не маютъ ничъ бôвше до роботы, лемъ шити и зробити убраня для папежа. — А дороги тоты убраня 500.000 (пятъ сотъ тисячи) коштуютъ они. И такъ: на вôйско, на льокаѣвъ, на швачки, на строи идутъ милионы тяженько запрацюваны, темного народа, милионы хлопскои кервавицѣ выдераютъ езуиты папежа для бѣдного вязня ватыканского.

ПРОСЯТЪ НАСЪ НАПЕЧАТАТИ:

Краткій отвѣтъ новому „conturbatori Rei publicae“.

За іюнъ текущаго года появилась статья въ краковскомъ іезуитскомъ „Przeglądzie“, — извѣстнаго іезуита кс. Яна Урбана, подъ заглавіемъ: „Cerkiew rosyjska w ostatnich latach“ (Русская Церковь за послѣдніе года), переполнення крайней ненавистью къ всему что не іезуитское. Мы дадимъ отвѣтъ на грубѣйшія нападки: 1) Кс. Янъ высмѣиваетъ русскую Церковь главнымъ образомъ по той причинѣ, что она подвластна въ дѣлахъ гражданскихъ русскому Царю, и хотя не наводитъ доказательствъ, — дабы который съ царей присвоивалъ себѣ вѣдомство дѣлами чисто-религіозными с. е. дѣлами вѣры утверждаетъ, — слѣдуя отвѣчной клеветѣ, — что русскіе Цари въ церкви православной занимаютъ мѣсто папъ у западныхъ. По мнѣнію послѣдователя Лоіолы, Церковь должна быть „status in statu“ а затѣмъ очагомъ революціи и анархизма, какъ-то было и есть на западѣ и должна на святой Руси Царить таже безнравственность, что и въ Франціи, Италіи, Испаніи, Португаліи и прочихъ странахъ римской вѣры.

Римскій папа какъ извѣстно, позорно независимъ, онъ не хочетъ въ державномъ отношеніи узнать надъ собой власть италійскаго короля своего законнаго владѣтеля, какъ-то дѣлали папы до девятаго столѣтія по Христѣ; но дѣйствительно — ли онъ самостоятеленъ? Можемъ убѣдится о томъ, хотя бы съ избранія послѣдняго папы: Когда избранъ папомъ не Рамполя, какъ желали кардыналы (которые съ томъ случаѣ представляютъ весь западъ) но теперѣшній папа, такъ какъ на избраніе Рамполы не согласился австрійскій императоръ по подъущенію протестанскаго германскаго императора. Кто болѣе независимъ русскіе Святители подъ защитой своего Царя, или „незавнсимый, непогрѣшимый папа“ избранъ съ повелѣнія чужаго инославнаго монарха? „На чьей телѣгѣ идешь, того пѣсню пой“ говоритъ народная пословица.

Такъ порабощена русскими царями русская церковь а такъ свободна римская церковь, ведомая духомъ іезуитовъ, выкликующая всюда лишь борьбу зъ законными правительствами, дабы всякую мірскую власть захватить въ свои алчныя руки, а пасомыхъ своихъ отступающая соціалистамъ и анархистамъ.

2) Ксендзъ Янъ пишетъ много о безнравственности, — темнотѣ и алчности русскаго духовенства: „Врачу исцѣлилися самъ“, скажемъ въ отвѣтъ дерзкому фарисею.

Вѣдь „Мацохъ“, — тотъ типичный представитель латинства: — весьма былъ нравственнымъ, какъ то открылъ ченстоховскій, ясногурскій процессъ. Латинская церковь хорошо исполняетъ повелѣніе св. Павла, дабы священникъ женился, — правилъ хорошо „домашною церковью“ а такъ доперва былъ хорошимъ управителемъ „Христовой церкви“, тому имѣетъ хорошее правственное духовенство и правственное стадо.

Мацохъ былъ весьма свѣтлымъ, — у него науки отвѣчали знаніямъ сельскаго "писаря", а нѣсколько тысячъ рублей годично Мацохомъ разтрачиваемыхъ, это не алчность по ученію ксендза Яна, а зато великая алчность если русскій священникъ за свой трудъ получаетъ какое тамъ вознагражденіе для удержанья своего семейства.

Человѣческой злобѣ нѣтъ предѣловъ, такъ и кс. Янъ: представилъ теперѣшнее состояніе русской церкви въ найплохшемъ свѣтѣ, осуждаетъ ее, что она причислила въ новѣйшее время къ святымъ

невыразимаго величія и невыразимой скорби: — эти люди, обрекшіе себя на смерть.

Седьмого февраля, послѣ наутрени начался приступъ. Татары съ нѣсколькихъ сторонъ вломились въ городъ. Великая княгиня Агафія съ дочерью, снохами в внучатами, — множество бояръ и народа затворились въ соборѣ. Непріятель зажегъ его. Тогда епископъ произнесъ громко и внятно:

— Господи, — простри невидимую руку Твою и пріими души рабъ Твоихъ, и благословилъ всѣхъ на смерть.

Клубы дыма, проникнувъ въ окна, душили находившихся въ храмѣ. Наконецъ, татары отбили двери и ворвались во внутрь собора. Семья великаго князя съ хоръ, куда ходъ былъ заложенъ и куда изверги не могли проникнуть, — видѣла гибель находившихся въ соборѣ. Наконецъ, дымъ, поднявшись на хоры, задушилъ всѣхъ.

Въ древле-русскихъ святцахъ помѣщены между святыми: святитель Митрофанъ, князья Владиміръ, Всеволодъ и Мстиславъ Георгіевичи, мать ихъ — великая княгиня Агафія, — со снохами Маріей и Христиной и дочерю, княжной Феодорой.

Когда до великого князя дошла ужасная вѣсть, — онъ хотя и проливалъ горькія слезы, принялъ вѣсть со смиреніемъ и молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова.

Изъ Владиміра, разоряя по дорогѣ города, татары дошли до рати, собранной Георгіемъ у береговъ Сити. Тутъ произошла битва. Долго и мужественно бились русскіе, Но, наконецъ, обратили тылъ. — Георгій и его племянникъ, — Всеволодъ Константиновичъ ярославскій, пали въ битвѣ. Другой его племянникъ Василько Константиновичъ ростовскій былъ взятъ въ плѣнъ.

Иснуренный жестокимъ боемъ, невыразимою скорбью и голодомъ, князь не хотѣлъ принять пищи изъ рукъ враговъ.

Любуясь его величественнымъ видомъ, зная на опытѣ мужество и силу его, татары говорили ему:

— Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батыя.

— Лютые кровопійцы, — отвѣчалъ онъ, — враги моего отечества и Христа не могутъ мнѣ быть друзьями. Темное царство не разлучитъ меня съ моимъ Христомъ. — Любя насъ и даруя намъ жизнь вѣчную, онъ предалъ насъ въ ваши скверныя руки. Есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній.

Татары отъ ярости скрежетали зубами. — А мученикъ молился о судьбѣ судьбѣ Россіи и православной Церкри и о двухъ своихъ юныхъ сыновьяхъ, — Борисѣ и Глѣбѣ. „Господи, — говорилъ онъ, — Ты знаешь тайны сердца моего, знаешь всю нечистоту мою. Очисти мя отъ грѣховъ моихъ“. Онъ славилъ Бога за то, — что въ юныхъ лѣтахъ умираетъ мученикомъ, — и что память о немъ не будетъ безславною. Татары умертвили его въ Шеренскомъ лѣсу (между Кашинымъ и Калязинымъ) и бросили тутъ его трупъ.

Тѣло святого Василія Константиновича было перевезено въ Ростовъ. — Княгиня, дочь Михаила черниговскаго, епископъ и народъ встрѣтили его со слезами и положили его въ княжеской нсыпальницѣ подъ сводами алтаря ростовскаго соборнаго храма.

Лѣтописецъ съ восторгомъ говоритъ о этомъ князѣ и описываетъ его такъ: „Онъ былъ красавецъ лицомъ, съ очами свѣтлыми и грозными, былъ храбръ, — добръ сердцемъ, ласковъ съ боярами. — Кто изъ бояръ служилъ ему, — кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ изъ его чаши: тотъ не могъ забыть его и быть слугою другого князя. Въ немъ мужество соединено было съ умомъ и правдивость со знаніемъ. Онъ былъ во всемъ свѣдущъ и на все способенъ. это былъ отецъ и кормитель сиротъ, великое утѣшеніе печальнымъ“.

Епископъ ростовскій Кириллъ посѣтилъ мѣсто битвы при Сити и въ числѣ

нѣкоторыхъ подвижниковъ и страдальцевъ, а прежде всего патріарха Гермогена, понесшаго отъ поляковъ мученическую смерть за свой народъ и его вѣру. — И въ томъ нѣтъ начего удивительнаго, если кто обзнакомлемъ съ іезуитской этикой. — Вѣдь поихнему святыми должны считаться лишь Кунцевичи, — Лоіолы и всѣ инквизиторы, которые тысячами невинныхъ людей мучили, палили, за что тѣ люди не хотѣли слушаться іезуитовъ лишь Христа.

Въ минувшомъ году праздновала іезуитская полонія 300-лѣтнію годовщину смерти іезуиты Петра Скарги и подносились голоса, дабы онъ былъ причисленъ къ святымъ; будетъ это хорошій товарищъ къ Щепановскому и Кунцевичу. Человѣкъ своимъ фанатисмомъ головно причинившійся къ паденію Польщи, отъ тѣхже поляковъ будетъ считаться святымъ. — Ниже упасть правственно кажется нельзя. Перефразируя послѣднія слова пашквила кс. Івана, кончу его-же словами:

„Въ томъ видятъ іезуиты высокость своей доктрины надъ всѣми христіанами, а прежде всего надъ православіемъ.“ —

Священникъ - христіянинъ.

ВСТАВАЙ БРАТЕ ЛЕМКУ.

Вставай брате, вставай Лемку,
Бо докола не спитъ врагъ,
Бо заставлятъ на тя сѣти,
И на твои русски дѣти,
Якъ не Мазепа то ляхъ.

Швабъ и Жидъ лемъ розказуютъ,
А тираны ужъ катуютъ,
Русски дѣти по тюрмахъ,
Домы Божи зневажають,
Святу вѣру высмѣваютъ,
Вставай братъ, бо не спитъ врагъ.

Вставай братъ,
Бо Русь взывае,
Бо врагъ вѣру зневажае,
Вставай Руси сынъ — герой,
Бо перебравъ ужъ врагъ мѣру,
Бо понижатъ скарбъ твой вѣру,
Встань и крикни „враже стой“!

Вставай Лемку,
Братъ при братѣ,
За вѣру байдужныхъ нѣтъ,
Вставай въ оборонѣ правды,
Несчаснои Руси цвѣтъ.

Мине ложъ, мине неволя,
Отре слезы матеръ Русь,
Спадутъ кайданы — оковы,
Вставай Лемху и не трусь.

Дружно братя, Руси цвѣты,
Дружно мучениковъ родъ,
Дружно взтавайте до бою,
За Русь святу и народъ.

Зойде солнечко свободы,
И гляне до русскихъ хижъ,
Огріе русски дѣточки,
И на плачъ твой гляне тыжъ!

Семко Журъ.

Съ Высовы пишутъ намъ:

(Недоля Высовска). —Дороги мои читателѣ нашого дорогого „Лемка“. Мушу ся Вамъ поскаржити о нашой господарцѣ въ Высовѣ пов. горлицкого, якъ ту наша „**Zwierzchność gminna urzęduje**“.

Въ тотъ рôкъ нема найменшого порядку въ Громадѣ, — бо на примѣръ: Дорогы такъ на всѣхъ сторонахъ занедбаны, же можешь каркъ зламати, ци на дорозѣ громадскôй, ци повѣтовôй... На поли шкоды, якъ денъ такъ нôчь! Польовый быти не хоче, — бо „Wôit“ за шклянку пива шкôдника карати не хоче и еще собѣ такъ повѣстъ: „якбы я люди каравъ, — тобы мѣ нихто шклянку нива недавъ“. Акушеркы неє; трафилося, одной ночи двомъ женамъ роды, то до нинѣшного дня, — тоты жены въ великихъ мукахъ лежутъ на своихъ постеляхъ безъ помочи, бо ихъ нема хто ратувати.

Висовянъ.

ПОЧТЕННА РЕДАКЦІО!

Видѣлъ Читальнѣ им. М. Качковского въ Высовѣ, — проситъ цомѣстити подяку краянамъ въ Америцѣ въ Ionkiers N. J зъ Высови, въ слѣдующимъ нумерѣ зато, же жертвували на нашу Читальню грошѣ, а то:

гг. Илія Смерекъ 1 дол., Теодоръ 2 дол., Василій Бенчаровскій 1 дол., — Николай Бабей 50 ц., Теодозій Перогъ 50 ц., Іоанъ Окарма 50 ц., Іоаннъ Коваль 50 ц., Афтаназий Коблошъ 50 ц., Андрей Журавъ 50 ц , Магдалена Рафа 50 ц., — Петро Дошна 50 ц., Іоаннъ Перогъ 25 ц., Мѣронъ Гаршанѣ 25 ц., Фтадей Ференъ 25 ц., Катерина Окарма 25 ц., Филипъ Ганцъ 25 ц., Іоаннъ Лабашъ 25 ц., — Легонтый Демчко 25 ц., — Георгій Гула 25 ц., Юлѣанна Костанкевичъ 25 ц., — Александеръ Курило 25 ц., — Марко Демяньчикъ 25 ц., — Ефрозина Демянчикъ 25 ц., Озимъ Дудичъ 25 ц., — Леонтий Коваль 25 ц., — Андрей Демчко 25 ц., Гиляръ Гочъ 25 ц., Семанъ Гатала 25 ц., Василій Грыцканичъ 25 ц., — Онуфрей Перогъ 25 ц., Несторъ Пенькала 25 ц., Анна Пенькала 25 ц., Тимко Курило 25 ц., Теодозий Демянчикъ 25 ц., Тымко Зылякъ 25 ц., Марія Демчко 25 ц., Илія Ковальчикъ 50 ц., Дамянъ Косаровичъ 10 ц.

Въ БРОКЛИНѢ:

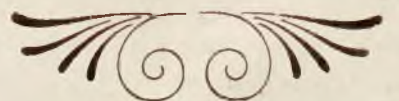
гг. Василій Петришинъ 1 дол., — Сидоръ Хованецъ 1 дол., Прокопъ Вовчко 1 дол., Іоаннъ Марочко 50 ц., Юліанна Курило 25 ц., Варвара Окарма 25 ц., — Параска Курило 25 ц., Теодосія Петришинъ 25 ц., — всего на наши грошѣ 106 кор. 75 г., що получили.

Такъ само дякуеме колекторамъ, а то Илии Смерекъ, Тадей Ференцъ, Василій Петришинъ и Сидорови Хованецъ, що ся труднили колектовъ.

За Выдѣлъ:

Іоаннъ Вариха предсѣдатель, *Андрей Ференцъ* касіеръ,

Петро Ганцъ секретарь.

павшихъ отыскалъ по одеждѣ обзглавленное тѣло великаго князя, и съ великою честью привезъ его въ Ростовъ, гдѣ и схоронилъ. Глава святого Георгія отыскана послѣ и положена въ гробъ. На второмъ году послѣ этихъ событій его тѣло перенесено было во Владиміръ, — тогда увидѣли великое чудо: глава прильнnла къ мощамъ, такъ что не осталось и слѣда отсѣченія. — Св. мощи почиваютъ открыто во Владимірскомъ соборѣ.

Батый шелъ дальше, къ Новгороду. Головы жителей падали на землю, какъ трава скошенная. Не доходя сиа верстъ до Новгорода, татари повернули назадъ и пошли къ Козельску (нынѣшней Калужской губерніи). — Семь недѣль не могли они взять этого города, наконецъ, овладѣли имъ и перерѣзали всѣхъ. Малолѣтній князь козельскій Василій пропалъ безъ вѣсти. — Говорили, что онъ утонулъ въ крови.

Въ 1240 г., послѣ страшнаго сопротивленія, татары взяли Кіевъ и почти смели его съ лица земли.

XIV.

Подвиги князей русскихъ во время ига. Св. Василій и Константинъ ярославскіе. Подвигъ мученичества св. князя Михаила Черниговскаго, — внукъ его св. Олегъ брянскій. Кончина вел. князя Ярослава Всеволодовича.

Сорершилась кара Божія. Иго монгольское пало на русскую землю.

Уяжелые дни начались для тѣхъ, — кто уцѣлѣлъ.

Страшнымъ воспоминаніемъ стояли призраки убитыхъ, сожженныхъ, замученныхъ князей, бояръ, избіеннаго населенія. Непокрытыя бѣлѣли на равнинахъ кости сраженныхъ русскихъ бойцовъ. — Города стояли испепеленные въ развалинахъ. Все скопленное раньше трудами поколѣній: довольство, образованіе, — бодрость, исчесзло. — За серце хватаетъ колоколовъ, зовущихъ на молитву. Припадаетъ народъ къ землѣ, чтобъ подслушать, не придетъ ли откуда вѣсть облегченія. — А вѣтеръ несетъ все старую вѣсть: русская земля стонетъ.

Тяжело, безпросвѣтно... Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ прийшлось дѣйствовать русскимъ князьямъ времени татарскаго ига.

Несокрушимая сила духа, безконечная бездна вѣры нужны были, — чтобъ спокойно и твердо дѣлать свое возрождающее дѣло. И князя вѣровали. Какъ ни ужасно было положеніе народа порабощеннаго, — стоявшаго безъ защиты и друзей, напитаннаго горючими слезами, въ эти страшные годы князья не утратили вѣры въ Русь, какъ избранницу Божію. Пусть вздымаются волны и хлещутъ, и почти потопиби корабль... — Живо еще русское имя. Ему, скорбному племени, — поручено Христомъ дивное сокровище: чистота и цѣлость Христова ученія. — И если выше всѣхъ земныхъ благъ онъ поставитъ это сокровище и изберетъ свой путь по евангельской хартіи — Богъ будетъ вѣренъ.

(Дальше буде).

ПОТѢШЬ БОЖЕЧКУ.

Потѣшъ Божечку людоньки твои,
И милосердіе надъ ними май,
Бо голодъ грозитъ дѣточкамъ твоимъ,
Дай погодоньки Божечку дай.

Тамъ было житце а тамъ пшеничка,
А тамъ бандурки росли якъ гай,
Гнесъ тамъ якъ ставокъ, заляли воды,
Дай погодоньки Божечку дай!

Рычитъ голодна худобка въ стайни,
Зогнило сѣнце, штожъ ѣсти дажъ,
Плачутъ дѣточки — хотятъ хлѣбуся,
Потѣшъ насъ потѣшъ о Отче нашъ.

Нашу надію — нашу потѣху,
Працоньку нашу, трудъ нашихъ рукъ,
Уноситъ вода — шумитъ по поли,
А насъ жде торба и въ руки букъ.

Ліе ажъ шумитъ — ажъ серце рве ся,
И слезъ потоки лѣе народъ,
Отверни крестъ той Отче небесный,
Прости, потѣши твой земскій родъ.

Семко Журъ.

Потѣшъ о Боже русскій народъ.

Потѣшъ насъ Боже,
Бо тяжкый крестъ нашъ,
Бо тяжки муки съ года на годъ,
Терпятъ нивинни русскіи дѣти,
Потѣшъ о Боже русскій народъ.

Для насъ нѣтъ права — справедливости,
И милосердія тыжъ для насъ нѣтъ,
Для насъ креминалъ, жандармскіи пѣки,
То доля наша ужъ сотки лѣтъ.

Подай надѣю Отче Всеміра,
Бо любовь до Тя мукъ нашихъ лѣкъ,
Вскрѣпъ наши силы, а мы за вѣру,
Терпѣти будемъ во вѣковъ вѣкъ.

За правду вѣру вмерали дѣды,
Въ борьбахъ съ Турками, Ляхами,
За правду вѣру, солодки муки,
Внуки ихъ ляжемъ сотками.

Мыслѣтъ тираны, якимъ способомъ,
Зъѣсти, знищити русскій народъ,
Русскихъ героевъ мы дѣти, внуки,
Терпѣти будемъ отъ рода въ родъ.

Нестрашны ваши пѣки и тюрьмы,
И гнѣвъ не страшный твой враже,
За народъ вѣру и Русь святую,
Цвѣтъ Руси смѣло поляже.

Смѣло за правду, народъ и вѣру,
Русскіи дѣти до бою,
Смѣло хоцъ въ тюрьмы и креминалы,
Богъ помочь зойшле намъ свою.

Мине власть ваша, звѣры и каты,
Мине неволя — кайданы,
И Русь воскресне свята — могуча,
Но горе вамъ горе тираны.

Гнатъ Фалатъ.

НОВОСТИ.

Тымъ всѣмъ, котры прислали, або принесли стародавны книжкы и папери въ нашу редакцію, дякуеме и доносиме, же пôшлемо тамъ, де ихъ просятъ, а коли будутъ представяти вартôстъ, та пôсля умовы дôстанутъ нагороду. — При тымъ просиме дальше о присылку стародавныхъ книжокъ, пѣсенъ и актôвъ.

Дотля прислали и принесли намъ: Осифъ Урда зо Жегестова, — Прокопъ Баранъ съ Терстяны и Григорій Цымбала съ Квятони. — Ничъ собѣ съ того не робте, же подерте або заваляне, бо таке може быти вченымъ людямъ найбôльше потрѣбне. Тѣжъ ся не бôйте, же дакому пропаде, бо въ насъ всьо добрѣ схований и пильнуване, бо зато отповѣдаме.

На другôй мѣсяцъ — зачнеме печатати брошюру славного англика — г-на Бирбека, о гоненіи на православну вѣру и о нашôмъ гôрькôмъ житю. — Православны наши села: Грабъ, Вышеватка, Незнаева, Чорне, Липна, Долге и т. д. собѣ припоминаютъ, коли тотъ Господинъ былъ въ нихъ и выпытувався о ихъ бѣдѣ. Такъ теперь тотъ англикъ написавъ въ Англіи книжку о нашôй долѣ, котру читатъ цѣла Англія. Мусиме прецѣ и мы съ томъ книжкомъ запознатися и будеме друкувати въ „Лемку“ нашомъ бесѣдомъ, (бо она написана по англійскы), а потôмъ може выдаме яко осôбну книжечку.

Американска православна газета „Свѣтъ“ доноситъ, же нашъ превелебный Кисѣлевскій съ Грабу южъ естъ въ Америцѣ. Прителепавъ до о. Обушкевича,— котрый ся нимъ заопѣкувавъ и запровадивъ до Симпсонъ, — де о. Кисѣлевскій мае дôстати парафію. Дивна рѣчь, — же отецъ Обушкевичъ на стары лѣта бере на свою сиву голову такыхъ люди, якъ ксьондзъ Кисѣлевскій и другихъ помараныхъ люди. Кисѣлевскій вызутый цѣлкомъ съ чести человѣкъ. Собѣ припоминамъ, — якъ былъ разъ въ Крыници, въ однôмъ русскимъ домѣ. — Вечеромъ пріѣхавъ славный Кисѣлевскій, поставивъ конѣ, самъ приходитъ до покою. Никто ему руки не подае, — хозяинъ дому сейчасъ вышовъ не сказавши до него ни слова, а всѣ гостѣ отвернулися отъ него тôлько панѣ дому назвала го подлецомъ и казала выноситися съ дому. Але Кисѣлевского не такъ легко выпросити! Ôнъ, собѣ съ того ничъ не робивъ, — сѣвъ поѣвъ потôмъ выспався, давъ служащій. шустку и, якъ жебы ничъ не было отъѣхавъ. По просту на его лици отбиватъ ся никчемнôстъ и пôдлота! — И такыма людми сквернитъ конецъ своей славной жизни о. Обушкевичъ!

До чого доходитъ злоба поляковъ. Въ нумерѣ 397 **„Reformy“** естъ таке объявленіе:

„Kto z ludzi wpływowych dopomoże bezinteresownie, byłemu urzędnikowi kasowemu, a zarazem rolnikowi, któremu byt zniszczyli Rusini и т. д.“

Полякы южъ зачинаютъ гешефта на насъ робити, покликуются на насъ, якъ на якихъ дикыхъ тыранôвъ, насъ, котры не можеме пары съ устъ пустити въ ихъ **„rzeczy pospolitej galicyjskiej“**! Злобна иронія!

Даръ Банку австро-угорского для галицкыхъ бѣдакôвъ ажъ 10.000 Коронъ. По два гелеры на душу!

Страшный чинъ учителя. Въ Нѣмеччинѣ, въ селѣ Мільгаузенѣ, учитель народный Вагнеръ допустився шаленого чину, хотя лѣкари узнаютъ го за цѣлкомъ здравого. Учитель Вагнеръ порѣзавъ въ ночи ножомъ цѣлу свою родину на смертъ, потôмъ вылетѣвъ зъ дому съ двома револьверами и съ горѣючомъ головньомъ, пустився по селѣ и зачавъ пôдпаляти домы. Коли люде видѣли огенъ, побудилися и зачали глядати пôдпаляча, бо было очевидно, што огенъ хтоси пôдкладатъ. Кôлькохъ хлопôвъ видѣло омахуленого учителя съ огнемъ и хотѣли му одобрати, але Вагнеръ наставивъ люфи своихъ револьверôвъ и зачавъ стрѣляти. Кôлькохъ селянъ положивъ трупомъ. — Потôмъ зачавъ бѣгати по селѣ и съ кѣмъ ся зышовъ, то стрѣлявъ. Наконецъ далося розоружити Вагнера и связати. Жертвъ масса. — 15 хлопскихъ трупôвъ и цѣла родина Вагнера шкарадно порѣзана, — а кôльканаітцетъ хижъ пôшло съ дымомъ. Коли Вагнера привели въ судъ, ôнъ самъ признавъ и лѣкари орекли, же зброднярь при здравымъ розсудку тото робивъ. — Якиса дивна душа, дивный розумъ и дивне серце въ того человека.

Того кто забивъ игумена Коссака ищы не нашли. Арештували його господыню, въ черевику котрой нашли банкнотъ 1000 К. Митрополитъ грабя Шептыцкій офѣрувавъ тому, кто пайде або покаже убійцю игумена Коссака 2000 К. Декотры газеты бждонкаютъ, же василіанскій игуменъ самъ собѣ житя одобравъ, бо часто шалѣвъ, та можливе, же и втоды ошалѣвъ и одобравъ собѣ житя.

По дэрозѣ зъ Боснѣ. — Въ еднôй каплици пропала золота корона съ головы Пречистой Дѣвы. Зачали глядати и нашли корону въ торнистрѣ едного вояка. Пытаются го, де взявъ, а ôнъ оповѣдатъ таке чудо: „Коли я ся моливъ въ каплици, Матка Боска зняла собѣ корону съ головы и дала мы на памятку...“ Войсковы сендзьове сглупѣли цѣлкомъ, бо ся южь рыхтували засудити бѣдного воячиска на кôлька лѣтъ гарнизону, а ту не могли, бо если бы го засудили, — то выходило бы, што Матеръ Божа не може зробити чуда, а никто не видѣвъ, — якъ воякъ бравъ. Отдали го пôдъ судъ войсковыхъ капелянôвъ, але тоты тѣжъ не знали, — якъ го судити, — ажъ въ кôнци вынесли таке рѣшеніе, же „ани отъ всятыхъ воякови не вôльно ничъ принимати. — Але воякови ся упекло.

Число населенія Балканскихъ государствъ по вôйнѣ. Румынія 7,600.000, Болгарія 5,000.000, Греція 4,500.000 (съ 2·7 миліона 1912 г.), Сербія 4,000.000, Черногорія 500.000 (почти удвоится), Албанія 1,800.000 и Европейская Турція — 1,500.000 душъ.

Западатся земля въ Шклярках горлицкого повѣта. Люде опускаютъ свои хижи. Запалася цѣла лука.

Шестеро дѣтей згорѣло. Страшне несчастье случилось въ праздникъ Успенья Пресв. Дѣвы Маріи въ селѣ Славску скôльского повѣта. По полудни того дня вспыхнувъ огонь въ загородѣ крестьянина Ивана Яцыковича и охвативъ въ кôлька минутъ цѣлый дôмъ. Самъ Яцыковичъ спавъ въ хатѣ, а его жена була въ церкви. Яцыковича розбудили ажь сосѣди, котрî замѣтили огонь. Коли загорѣвшій Яцыковичъ прійшовъ до себе, а его жена вернула изъ церкви, обое родители на превичикій ужасъ переконалися, що жертвою огня пало ихъ пятеро дѣтей, а также дитина сосѣда Костя Корпаня. Пожаръ знищивъ также цѣле газдôвство Яцыковича, а въ попелищѣ згорѣвшой загороды найшли 5 спаленыхъ штукъ худобины.

Не вѣрь каждому. — Русскій князь Урусовъ ѣхавъ съ Вѣдня до Венеціи и по дорозѣ познався съ якысомъ молодомъ паньомъ съ Вѣдня. Коли южъ были на добрôй стопѣ, панѣ почестувала князя солодкомъ палюночкомъ, такъ што князь вснувъ. Коли ся збудивъ, не было южъ панѣ, але не было и його 120.000. — Не волѣвъ дзядамъ роздати?

Зѣдженый вченый. — Доносятъ газеты, же вченый нѣмецкій Вернеръ, — выправився до Новой Гвинеи для бадань науковыхъ, але тамтейшы дикы люде — Паупасы, влапили го, забили и зѣли! — Теперь певнѣ помудріютъ, якъ такого вченого зѣли!

Въ Венграхъ, Хорваціи и Босьнѣ ширится страшна хороба, хольера. — Въ селахъ Шолива и Вольошъ выдарилося 25 выпадкôвъ хольеры. — Вицежупанъ зарядивъ, жебы не пущати люди съ Галичины, — бо съ ней приносятъ люде хольеру! Може быти, а же не вмераютъ въ Галичинѣ на хольеру, то не дивота, бо ничъ не ѣдятъ! — Насъ ся южъ ани хольера не ѣме!

Въ Хорватіи было 15 выпадкôвъ той страшной хоробы.

Подорожъ Ваня Гунянкы до святого Кіева.

Я забывъ цѣлкомъ о собѣ, — якъ зачали „Господи возвахъ“, а якъ спѣвали „Свѣте тихій“, томъ не чувъ, ци стою на ногахъ, ци вѣшу въ воздусѣ. — То описатися не дастъ, то треба слышати. Достъ-же, якъ бы такъ спѣвали тыжденъ два, — та хоцъ бымъ мавъ съ голоду вмерти, то бымъ съ церкви не вышовъ. Але и по Вечѣрни бы зоставъ, лемъ-же котрысый мя взявъ за руку и вытагъ съ церкви и допѣро на свѣжôмъ воздусѣ я ся преконавъ, жемъ не въ небѣ, лемъ на земли.

Старинна святыня „Софійскій соборъ“. — Найбôльше чтимый храмъ въ Кіевѣ, то „Софійскій соборъ“, будуваный ищи нашимъ великимъ княземъ Ярославомъ Мудрымъ, — значитъ, буде мавъ тотъ храмъ 900 лѣтъ. Много въ нимъ старыхъ нашихъ памятокъ, много чудотворныхъ образôвъ, барзъ старыхъ, бо такъ, якъ самъ храмъ. Коло иконостаса лежатъ нетлѣнны мощи святого Макарія, убитого татарами 500 лѣтъ тому, на лѣво отъ головного олтаря лежитъ гробница князя Ярослава Мудраго, — заложителя того Храма. На хорахъ естъ чудотворный образъ святителя Николая Мокраго. — Найстаршій то образъ на нашой святой Руси. Мокрымъ названъ тому, бо: Давно тому, барзъ давно жило собѣ въ Кіевѣ двое побожныхъ люди и не мали дѣти. Зачали они просити, — молитися, штобы ихъ Господь Богъ обдарувавъ дѣтинкомъ и Господь Богъ умилосердився и дарувавъ имъ дѣтину. А коли разъ ѣхали Днѣпромъ черезъ неосторожнôстъ мати выпустила дзецко до воды и втопилося. — Обое родичи плакали, — плакали и ходили въ Софійскій соборъ и молили святого отца Николая о помôчь. — И коли разъ пришли въ храмъ, вышли на хоръ, нашли живе дзецко предъ образомъ Чудотворца, а образъ былъ мокрый. Томъ и называтся образъ тотъ св. Николай Мокрый.

Такъ видите, якъ на Владимірскій соборъ зложилася вся штука нова на Руси, такъ на Софійскій старинна. Софійскій соборъ естъ заразомъ храмомъ кафедральнымъ, значитъ, тамъ отправятъ кіевскій митрополитъ.

Ищи намъ позостае одно святе мѣсце, котрого опустити не можеме, — бо зъ нимъ связано много святыхъ мужôвъ и оттамаль розышлося свѣтло по всей Руси, то:

Печерска Лавра. Печерска Лавра, то такъ, якъ бы осôбне мѣсто. Самыхъ монахôвъ естъ тамъ около 3.000, а добрѣ не каждого дня приходитъ съ цѣлой Руси тысячи богомольцевъ, часомъ число ихъ доходитъ 30 до 40 тысячъ. Недармо Печерску Лавру звутъ Іерусалимомъ русской земли. Коли прейдете презъ перши ворота, то увидите Великую Лаврскую церковь, соборъ Успенія Пресвятой Богородицы, поставленый изъ каменя. — Съ поля передна стѣна храма покрыта образами, якъ Успеніе Пресв. Богородицы, погребеніе преподобныхъ Антонія и Феодосія Печерскихъ и великого князя Святослава, котрый копатъ фундаменъ для великой церкви.

По входѣ въ церковь черезъ западную дверь, остановитесь посреди храма. Надъ Царскими вратами на металлическомъ кругѣ, окруженномъ серебряными лучами, виситъ главная святыня Лавры, чудотворный образъ Успенія Божіей Матери, — принесенный въ Кіевъ изъ Константинополя греческими малярами въ благословеніе отъ патріарха. — Образъ Богоматери покрытъ золотою ризою и богато украшенъ алмазами, бриллiантами и драгоцѣнными крестами, пожертвованными Членами Царствующаго Дома. — Тотъ образъ спускатся на едвабныхъ шнуркахъ. Предъ нимъ свѣтятся лампады, не угасающихъ уже бôльше 101 года т. е. съ того часу, когда они были першій разъ засвѣчены. — Счесливы, кто тотъ образъ поцѣлуе. Осмотрите далѣе иконостасъ и обратите вниманіе на Царскія врата, выкованны изъ серебра назадъ тому 164 года. — Налѣво отъ царскихъ вратъ вы найдете золоченный аналой въ которомъ помѣщены двѣ иконы: св Іосифа, — обручника Пресвятой Дѣвы. Маріи, и благословляющаго Спасителя. Обѣ иконы осыпаны бриллiантами, рубинами и другими драгоцѣнными камнями.

Въ концѣ правой стороны иконостаса находится серебряная гробница, въ которой хранится глава св. Равноапостольнаго кн. Владиміра, взятая митрополитомъ Петромъ Могилой въ 1635 году изъ гробницы Десятинной церкри. — Идете вдолину стѣны на западъ и вы увидите серебряне надгробіе, подъ нимъ скрыты мощи преп. Феодосія Печерскаго, перенесенны сюда изъ Дальнихъ пещеръ еще въ 1090 году. На другой странѣ погребенъ великій ревнитель и защитникъ православной церкви и западно-русскаго народа князь Константинъ Острожскій. Отталь идте вдолину стѣны къ иконостасу.

Правѣ у самаго иконостаса находится гробница 1-го Кіевскаго митрополита св. Михаила. Его мощи первоначально почивали въ Десятинной церкви, — затѣмъ въ Ближнихъ пещерахъ и только съ 1733 года перенесены на тото мѣсце.

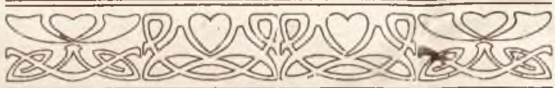
Сдѣлавши нѣсколько крокôвъ назадъ, идите влѣво въ сѣверный придѣлъ Великой Лаврской церкви въ честь св. архид. Стефана. Тутъ у стѣнѣ направо, въ небольшой серебряной гробницѣ, — подъ золоченнымъ балдахиномъ, покоится перстъ св. архид. Стефана, принесенный въ Лавру изъ Молдавіи, Прутскаго похода. Въ сѣверной части того придѣла, въ разстояніи 15 крокôвъ отъ балдахина, — устроенъ входъ въ склепъ, въ которомъ нетлѣнно почиваетъ митрополитъ Павелъ Тобольскій, — скончавшійся въ Лаврѣ въ 1770 году. Поклонившись тому Великому Святителю, выходите изъ Сѣвернаго придѣла черезъ средный храмъ въ южный придѣлъ св. Іоанна Богослова. — Тутъ у стѣнѣ иконостаса, при лѣвой стѣнѣ находится древняя икона Божіей Матери, оставшаяся послѣ св. кн. Игоря Ольговича съ 1147 года. — У южной стѣны стоитъ серебряная гробница съ частицами мощей пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и часть ризы Господней.

Весь юго-западный уголъ Великой Церкви отведенъ подъ помѣщеніе ризницы, въ которой находится огромное количество старинныхъ и драгоцѣнныхъ священныхъ предметовъ: крестовъ, евангелій, чашъ, панагій, митръ, священническихъ одеждь и старинныхъ портретовъ. Между ними достойны вниманія слѣдующіе предметы: Евангеліе рукописное 1538 года; золотый напрестольный крестъ вагы 9½ фунтôвъ; золотая чаша; золотая панагія съ образомъ Спасителя и портретомъ Петра I; митра Петра Могилы украшенная драгоцѣнными камнями; — риза, покрытая жемчугомъ.

По выходѣ изъ церкви на всходѣ находится загородка, — въ котрôй сутъ могилы недавно убитого жидомъ, русского президента министрôвъ Столыпина и могила козакôвъ Кочубея и Искры, — котрыхъ засуджено на смертъ невинныхъ, а оклеветаныхъ Мазепомъ, прадѣдомъ нашихъ „украинцѣвъ мазепинцѣвъ“. Припомнеме собѣ тото: — Гетманъ Мазепа знюхався съ шведскымъ королемъ и хтѣвъ частъ Руси одорвати отъ русскаго тѣла и отдати шведамъ, але царю ся пôдлизувавъ и запевнявъ го въ своей вѣрности. Але козакы Искра и Кочубей довѣдалися о його здрадѣ и донесли царю. — Царь такъ вѣривъ Мазепѣ, што имъ вѣрити не хотѣвъ и отдавъ ихъ въ рукы Мазепи, котрый ихъ въ страшный спосôбъ замучивъ. — Коли здрада Мазепы вышла на верхы, царь приказавъ учтити вѣрныхъ Руси козакôвъ Кочубея и Искру и поховати въ святой Лаврѣ. Надъ ихъ гробомъ естъ така надписъ:

Кто еси мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены сущи,
Понеже намъ страстъ и смертъ неволѣ [молчати
Сей каменъ возопієтъ о насъ ти вѣщати
И за правду и вѣрностъ къ Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испіймо чашу;
Злу даньемъ Мазепы всѣ вѣчно правы,
Посѣчены зоставши топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери [Владычной,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ [вѣчный“.

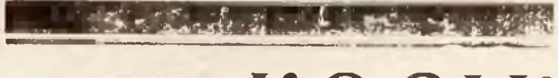
То зробивъ прадѣдъ мазепинцѣвъ, теперь то робятъ его правнукы, бо роздераютъ Русь, здраджаютъ, а такъ якъ ихъ прадѣдъ Мазепа здраджавъ самъ свою отчину и пôшовъ на службу врагôвъ, а мучивъ за здраду вѣрныхъ сынôвъ Руси, такъ само наши мазепинцѣ пошли на службу ворогôвъ нашого народа, а на вѣрныхъ сынôвъ Руси клевещутъ и отдаютъ на мукы. **(Дальше буде).**

Надѣли сой мазепинцѣ козацку одежу,
Тай лемкôвску съ крикомъ-гукомъ преступили междy.
Хтѣли вѣру „инакыти“ русскость закопати
Нашу святость одобрати асвою намъ дати

Лемъ-же лемкы ся збачыли, бо тварь не козацка,
Але „пика“ Русьздрадника „льокайско-нѣмецка“
А съ такыма русскы лемкы никусъ не шпасуютъ...
Небораки „мазепинцѣ“ съ йойкомъ отлѣтуютъ...

САТИРА, ГУМОРЪ, ЗАБАВА.

ХЛОПСКА ФИЛЬОЗОФІЯ.

(Пôдслухане).

Кума: Повѣчте куме, чомъ то ся конѣ боятъ самоходу, а возу ся не боятъ? Прецѣ вôзъ тѣжъ ѣде.

Кумъ: — А вы кумо видѣли коли вояка въ червеныхъ сподняхъ?

Кума: Та чомъ, неразъ!

Кумъ: И не боялистеся?

Кума: Та чого?

Кумъ: А якъ бы сте такъ видѣли самы червены споднѣ безъ вояка, жебы ходили? Не встрашили быстеся!

Кума: О Матко, такъ бымъ втѣкала!

Кумъ: Такъ видите.

Якъ Осифъ съ Асафатомъ посварилися.

ОСИФЪ:

Якъ ся мате, Асафате,
Што чувати цисте здравъ?

АСАФАТЪ:

Та ничъ пане нечувати,
Стара бѣда, згрызъ емъ мавъ!
Бо ци знате, ци не знате,
„Езелькуторъ“ быцька взявъ!

ОСИФЪ:

Чомъ же вы мя паномъ звете,
Прецѣмъ такъ хлопъ, якъ и вы,
Прецѣ мама хыжу мете,
Няньо кричитъ: Тпрр-ча-бы“!

АСАФАТЪ:

Е, то правда, што гадате,
Але съ васъ окрутный фрасъ!
Што лемъ кцете та удате:
Коли съ хлопомъ, та хлопъ съ васъ,
Панъ, та пана ся тримате,
„Лазуитôвъ“ потôмъ засъ!
До гоноровъ ся геть пнете,
Кцете взяти „контра дирр“...
А мномъ геть помѣтуете,
Якъ бы я былъ дакій зьвѣръ!
Вы мыслите, якъ сте вдѣли,
Буры „штрымфлѣ въ синій пасъ“,
„Легумину съ сокомъ“ ѣли,
Та южъ буде геть панъ съ васъ!?

ОСИФЪ:

Асафате, итъ-же спати,
Дай-же покôй южъ съ тымъ геть,
Южъ ты зато будешь мати,
Я тя глапю даде внетъ!

АСАФАТЪ:

Не такъ съ ойстра мôй камрате,
Не такъ ойстра до ня лѣзъ,
Я тѣжъ рады можу дати,
Бо мѣ Панбôгъ тѣжъ давъ рѣзъ!
Та вы правды ся встыдате?

ОСИФЪ:

Бо мя правда коле въ нôсъ!

АСАФАТЪ:

Я вамъ рѣжу правду — матку,
Остерѣгамъ васъ при всѣхъ,
Бы съ васъ потôмъ на остатку,
Не былъ велькій — велькій сьмѣхъ!

ОСИФЪ:

Но почкайте! приде часъ!
Тедота тамъ нема въ васъ?

МЕЖЕ ЖИДАМИ.

Хлопъ: Слухай Гершку, тебе чомъ кровь заляла?

Гершко: Бо мѣ Прокопъ хтѣло дати въ піскъ...

Хлопъ: А ты якъ знашь, — же ти хтѣвъ дати въ „піскъ“?

Гершко: Ну, якъ вôнъ не хтѣвъ, та бы мѣ не давъ...

ВЪ ШКОЛѢ.

Егомосць вчатъ: „Такъ знайте дѣточкы, чужой рѣчи брати не вôльно, бо тотъ, што бере чуже, краде и грѣшитъ. Мицка! — Што робишь, якъ наберешь яблокъ въ чужôмъ садѣ?!

Мицка: Втѣчу, прошу іегомосця!

ЦѢКАВЫЙ ВНУЧОКЪ.

— Дѣду, а вы мате добры зубы?

— Ой, дебымъ ихъ дѣтинко взявъ, повылѣтували геть!

— Ой та добрѣ, сховате мѣ орѣхы!

Малый Ицекъ — проситъ старого Шмуля, жебы му давъ цента на грушкы.

Шмуль: Ни, слухай Ицекъ, нашто тобѣ такъ доро о купувати грушки? Та идь, и ти бавь, што грушкы продае, — выставъ языкъ, а она за тобомъ зо злости шмаритъ грушку и буде туньо!

Першій разъ въ школѣ.

Учитель: Якъ ся звешь?

Ученикъ: Такъ, якъ и яньо!

Учитель: А няньо якъ?

Ученикъ: Ба! Та якъ и я!

Учит.: Та якъ тя кличутъ ѣсти?

Ученикъ: Йой, га! Та мене николи ѣсти не кличутъ, бо лемъ виджу миску, та самъ лечу!

— Слухай стара, та тоту стеранку мыдломъ чути!

— Але ты все фальшивый, та то не мыдломъ, але нафтомъ!

ВЪ СУДѢ.

— Женатый?

— А якже!

— Караный?

— Ба, кôлько разы! Лемъ приду пьяный домôвъ, та мѣ стара таку кару вымѣритъ, — што ани бымъ вамъ пане сендзьо не жичивъ.

Оденъ бѣдный газда мавъ дрôбны дѣти и не мôгъ настарчити на нихъ, тай вымысливъ такій спосôбъ. Коли пришла вечера, пытатся:

— Кто не буде ѣсти вечери, — та дôстане 2 грайцари!

— Я! я! я! кричатъ дѣточкы. — Роздавъ! Коли пришло сьнѣданя, гваритъ:

— Кто хоче ѣсти сьнѣданя, муситъ дати 2 грайцари. И засъ му отдали, а на вечерю засъ имъ дававъ и т. д., такъ, — же все вечерю зарабявъ!

ГОНОРОВЫЙ.

— Што-жъ то куме, стяли сте мѣ ялицю, ани сте мѣ не гварили?

— Бо я знате члозекъ гоноровый, волю вкрасги, якъ мамъ кого просити.

ОТТЯВСЯ.

Въ мѣстѣ на рынку збѣговиско, — купа люди. Приходитъ хлопъ и пытатся якогосого панка:

— Што-то пане ся стало?

— Корова яйце снесла — закпивъ сôбѣ панокъ.

— И высѣдила такого быцька, якъ вы — оттявся хлописко.

ИЗДАТЕЛЬ: Д-РЪ АЛЕКСАНДРЪ ГАССАЙ. ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ: ДМИТРІЙ ВИСЛОЦКІЙ.
ЗЪ ПЕЧАТНѢ ЗИГМУНТА ТУРОВИЧА ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.